

Астафьев Виктор Петрович Бери да помни astafevvictor.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://astafevvictor.ru/> Приятного чтения!

Арсений Каурин познакомился с Фисой летом сорок пятого года, после того как прибыл с нестроевыми на смену девушкам в военно-почтовый пункт. Фиса работала здесь сортировщицей писем и одновременно ведала библиотекой. Арсения, как наиболее грамотного человека, "бросили" на библиотеку. Книжки пересчитывали после работы. Засиживались допоздна. Вообще-то книг было не так уж много, их можно было пересчитать быстро. Но как-то так получалось, что дело это растянулось на несколько вечеров. Если какой-либо книжки не доставало, Фиса со вздохом говорила, как будто точку ставила: ? Девочки зачитали. ? Потом спохватывалась, испуганно таращила на Арсения большущие, младенчески голубые глаза: ? Ой, что мне будет, Арся? Характер у Фисы был безоблачный, до наивности детский. Сердиться она не умела, настаивать и перечить не могла, и потому почти половину книг у нее растащили. Когда весь "фонд" был пересчитан и Арсений хмуро думал, как ему быть: докладывать ли начальству о нехватке книг или как-то выкручиваться, Фиса заявила как о само собою разумеющемся: ? Теперь меня посадят в тюрьму... ? И, подождав какого-нибудь ответа от Арсения, сама себя утешала: ? Ну, ничего. Там тоже люди сидят. У меня дядя сидел. Живой вернулся. Да за книги много и не дадут. Кабы я деньги или хлеб растратила... ? И, совсем уж успокоившись, попросила: ? Арся, ты бы проводил меня домой. Я одна боюсь идти ? темно. Арсений надел пилотку, и они отправились на окраину местечка по безлюдным, заросшим колючим можжевельником улочкам, которые то спускались вниз, вроде бы к ручью, то поднимались вверх, вроде бы от ручья. Но никаких ручьев нигде не было. Лишь тоскливо маячили бады на колодезных журавлях, падали капли и звонко булькали в срубах, да чернела вытопанная подле колодцев земля с пятнышками белеющего под луной мха. Молчаливые украинские сады ломились от яблок и груш. Совсем близко с тяжелым кряхтеньем осела на низкий плетень ветвь яблони. Фиса приостановилась, протянула руку в темноту и вынула из нее два тронугых прохладной росой яблока. Яблоко покрупнее она отдала Арсению и, когда он взял его, со смехом крикнула: ? Бери да помни! Это у нее игра такая, тоже детская, тоже наивная. Арсений уже давно забыл о той игре и вообще о многом забыл в окопах, а она вот помнила. Чудная девка, непонятная, сумела сохранить все-все: чистоту, способность радоваться, без оглядки воспринимать мир и все в этом мире. О таких вот говорят: душа нараспашку. После боев и смертей, после госпиталей и пересылок всегда тянет к светлому, радостному, и Арсения тянуло к этой девушке, так тянуло, что он уже с трудом сдерживался, чтобы не наговорить ей всякой нежной всячины, чтобы не зацеловать ее, не затискать. Арсений взял согревшееся в ладони яблоко, отвернулся от Фисы и стал глазеть на небо. Ничего там особенного не было. Неполная луна зацепилась рогом за крайние сады на бугре, и как будто сомлела от густых запахов и тишины, и задремала, забыв про службу. Подле нее тоже дремно помигивали обесцвеченные и оттого мелкие звезды. Мирная ночь стояла над украинским местечком. Все как на картинах, все как в книжках, все как у Гоголя. Слово не было никакой войны, и стояла вечно здесь вот эта тишина, и ничего не горело, не поыхало, не рушилось от снарядов и бомб, и люди не обмирали от страха, а спали себе под соломенными крышами на лежанцах за печкой, и никто их не тревожил, кроме блох. "И всего-то нужно людям малую малость ? мир, ? подумал Арсений, ? и все приходит в норму, и мать-земля окружает нас покоем. Дорогим, долгожданным покоем! А книжки сама разбазарила, сама пусть и расхлебывает. Так-то". Он сердился, но как-то несерьезно сердился. Он ведь знал, что вслед за девчонками вот-вот отправят по домам и их, нестроевиков, и, конечно же, спишут эту походную, очень маленькую библиотеку. Списывают кое-что и поценней. А стоило бы накрутить хвост этой самой Фисе, чтоб поумней в другой раз была. Да разве ей поможет? Это ж ангелица! Глянет разок ? и уже все, сердиться невозможно. "Что-то уж очень много стал я думать о ней", ? поймал себя Арсений, а не думать уже не мог, и, откровенно говоря, ему уже не хотелось, чтобы она вот так взяла и уехала. Как-то уж очень просто и прочно они встретились. Бродили, бродили по свету, колесили по земле, и вот круг замкнулся, и искать вроде бы уж больше ничего не надо. Ребята, прибывшие вместе с Арсением из госпиталей на смену девушкам, наверстывали утерянное, "крутили любовь" направо и налево. Девушек в местечке, военных и гражданских, было много, лишковато даже. Арсений же разом успокоился. Девушка с удивительными тихими глазами была рядом, разговаривала без всякого смущения о чем угодно, мурлыкала песню, невзирая на растрату, и вообще вела себя так, будто они давно-давно вместе, и все у них как надо, и в запасе еще целая вечность, и никуда они друг от друга не денутся. А между тем день отъезда Фисы приближался. Арсению было за двадцать, уже подкатывало к двадцати одному. Близость девушки волновала его все больше, и так тянуло обнять ее, так тянуло, но он стыдливо увиливал. За этим могло последовать

Астафьев Виктор Петрович Бери да помни astafevvictor.ru такое, о чем и думать-то было до сладости жутко... Будь бы фиса другой, пожалуй, и все сложилось бы по-другому. А с такой как быть? Сделай чего не так ? оскорбишь, стыда не оберешься, ? дитя и дитя. Ангелица, одним словом. "Нет уж, ну ее подальше, если чему быть, пусть уж как-нибудь само собою сделается", ? урезонивал себя Арсений. Фиса дохрумкала яблоко, по-мальчишески пнула огрызок, утерла губы, одновременно прикрывая зевок, и спросила: ? Сорвать еще? Тут их гибель! Ты чего хмурый, Арся? ? Ничего, ? напряженно ответил Арсений, отводя взгляд от груди девушки, оттопырившей гимнастерку, на которой поблескивала медаль. ? Ой, Арся, а мне ведь скоро уезжать, ? печально сказала фиса, ? девочки из штаба говорили ? документы уже заготовлены. ? Тебе что, не хочется? ? Я не знаю. ? А кто знает? ? Пушкин, наверно, ? с беззаботным смехом ответила она, уже справившись с накотившей было на нее грустью. ? Послушай, ? сказал Арсений. И когда фиса внимательно уставилась на него, он схватил ее, прижал к себе, впился губами в ее губы. Она слабо уперлась руками в его грудь и медленно, чтобы не обидеть, отстранилась. ? Ты, поди, прокусил мне губу? Ты все делаешь сердито, даже целуешь сердито... ? как умею. (Какой же мужчина признается в том, что он не умеет целоваться!) ? Да, конечно, ? вздохнула она. ? Вы ? фронтовики, люди нервные, вы много пережили. Я на тебя не сержусь... ? Не сердись, да? ? обнял ее Арсений, и она согласно тряхнула головой на его груди. Он целовал ее теперь нежно, бережно и чувствовал, как она слабеет и все тяжелее обвисает на его руках. Луна покончила с дремотой, уже выпуталась из садов, прорезала плоским серпом вершины дальних тополей и повисла над ними. Было все так же тихо. Арсений стискивал фису все яростней, целовал жарче. ? Не надо, Арся, ? жалобно попросила она. ? Не надо этого. Я никогда... Арсений еще не знал женщины, и если ему говорили: "Не надо", ? он думал, что и в самом деле не надо. Потому он и выпустил ее, растрепанную, мятую, и, злясь на себя, буркнул: ? Ты же военная... Фиса отступила в тень плетня: ? Ну и что? Он ничего не ответил. Фиса грустно уронила: ? Да, я знаю, военным девушкам не верят. Но ты же сам видел, что у нас почти нет в части мужчин. Которые были ? поженились... ? кто хочет, тот всегда найдет! ? Но есть еще ? кто умеет. А я все ждала чего-то, все ждала. Нет у меня ни жениха, ни знакомого даже. А я все ждала. Я тебя ждала, Арся. ? Так чего ж ты тогда? ? Я не знаю, Арся. ? Вот все у тебя так: я не знаю, я не знаю... Ангелица! Вот твоя хата! До побаченья! Фиса осталась у калитки, виноватая, одинокая, помедлила и, на что-то решившись, позвала его обреченным, сдавленным голосом. Он закурился на дороге, сердито брызгая искрами от зажигалки. Ему стоило только подбежать к ней, и, наверное, и ее судьба, и его повернулись бы совсем по-другому. Но он был самолюбивым парнем и считал себя в чем-то оскорбленным. И кроме того, у него было неоконченное высшее образование, и он надеялся все-таки окончить его. А вдруг будет ребенок, что тогда? Нет уж, лучше перекурить это дело, превозмочь себя. Мужчина он или нет? Поздно ночью он вернулся к ее хате, постоял у калитки, потом зашел в садик и, опершись спиной о белый ствол яблони, глядел в низкое, темное окно. Кажется, он высказал этому окну все глупости, какие скопились в душе, и почувствовал облегчение и прилив неслыханной нежности к себе, к фисе, ко всему на свете. Блаженно-усталый, расслабевший от неведомой до сих пор нежности, он вернулся в свою квартиру под утро. Осторожно снял сапоги и вытянулся на кровати рядом с госпитальным другом, безмятежно и удовлетворенно храпевшим на всю хату. Тот на минуту поднял голову и сипло спросил: ? Ну как, порядок? ? Порядок, порядок, спи. Арсений проспал на работу, и за это ему отвалили наряд вне очереди. Он уже домывал пол в помещении сортировки, когда явилась фиса и стала отбирать у него тряпку: ? Чего ж ты не сказал! Я бы вымыла. Ой, Арся, у тебя спина в известке. Где это ты? Дай отряхну! ? Иди ты! ? гаркнул Арсений. ? Путаешься тут, лезешь! Растерянный, мокрый, с грязной тряпкой в руках, он шел на фису, будто собирался ляпнуть этой тряпкой в лицо. Таким фиса его еще никогда не видела. ? Я ж помочь хотела. ? Помо-очь! Помогла уж. Уваливай!.. И она ушла, вся как-то разом завянув. Ее и в самом деле легко было обидеть. Вечером он отыскал ее, хотел попросить прощения, даже слова какие-то заготовил, но фиса сделала вид, будто ничего и не произошло, и он с облегчением забыл эти слова и вел себя подчеркнуто весело, шутил, смеялся, фиса тоже смеялась, но глаза у нее были грустные-грустные, и она поспешила в этот вечер рано уйти домой. Есть такие люди, которые умеют прятать свою грусть, переживают ее в одиночку и оттого кажутся на людях всегда веселыми и беззаботными. И назавтра она уже была прежней фисой, безмятежной фисой ? и все-таки что-то уже произошло. Она сделалась чуть сдержанней с Арсением, и это "чуть", не высказанное словами, оказалось той границей, через которую Арсений уже не мог переступить. Он провожал ее до дому, целовал. Но она не давала ему очень увлечься этим приятным занятием, убегала от него. Арсений не задерживал фису и даже чуть упивался собственным благородством. Вот, мол, и мог бы, а не стану, потому что есть у меня сила воли, потому что мужчина я, а не бочонок с квашеной

Астафьев Виктор Петрович Бери да помни astafevvictor.ru
капустой. И характер я выдержу. И вообще, может, все это к лучшему. Жизнь моя впереди. Встретятся еще и девушки, и женщины, и не одна. Пристал к первой попавшейся. Пройдет это, пройдет. Вот уедет она, и все пройдет. Настал день отъезда. Машины стояли возле штаба. Сброшены в них нехитрые пожитки военных девушек, и солдаты, уже не таясь, в открытую прогуливались подле машин со своими "симпатиями", часто заворачивали за угол штаба и, несмотря на близость начальства, целовались там направо, целовались до того, что вспухали губы. Арсений держал фису за руку и за штаб не уводил. Она перекачивала сапогом обломок кирпича и как никогда пристально всматривалась в лицо Арсения. Он прятал глаза, балагурил, обещал писать ей по два раза в день. Она молчала. От этого молчания Арсению сделалось не по себе, и он поспешно сорвал пилотку с головы, покидал в нее яблоки, которыми были набиты его карманы, и, когда она приняла пилотку, рассмеялся: ? Бери да помни! ? Спасибо, ? тихо отозвалась Анфиса. ? У меня память хоть и девичья, короткая, как говорится, но буду помнить. ? Лицо ее немного побледнело, рука была вялая и холодная, маленькие и реденькие конопатинки на носу обозначились резче, и в глубоких дитячьих глазах было недоумение. Она, кажется, не совсем верила, что вот скоро, сейчас, возьмет и уедет, и потому, должно быть, ни с того ни с сего начинала улыбаться шутливым словам Арсения, и тогда скуластенькое лицо ее озарялось сполохом румянца, который тут же пугливо гас. Она была так сейчас, так застенчива, что вся красота, подаренная ей природой, до капельки объявилась и ничего не осталось про запас. Такая красота может держаться, если беречь ее. Очень уж хрупкая, очень уж вешняя она: дунь холодный ветер ? и ничего не останется, все облетит, осыплется, завянет. Арсений примолк, стал отогревать ее руки своими ладонями, и она вдруг попросила: ? Арся, не забывай меня! ? И отвернулась. ? Не забывай, ну? ? И опять принялась катать сапогом кирпичик. ? Я знаю, со мной трудно. Ненормальная какая-то. И если бы я... Мы были бы вместе... ? И, подняв голову, взглянула на него с тревогой: ? Разве я виновата, Арся? ? Нет, фиса, ты ни в чем не виновата. Ты хорошая девушка. ? Давай не будем об этом! Кругом суетились люди, что-то говорили друг другу на прощанье, шоферы занимали места в кабинах, заигрывая напоследок с девчатами. ? Скоро уж машины пойдут, ? проговорила фиса. ? Кажется, скоро. ? Арся, ты все еще сердись на меня? ? Я? Откуда ты взяла? Это ты дуешься чего-то. Но она не обратила внимания на его последние слова: ? Я вижу. Я все вижу. Я знаю, ты не напишешь мне ни одного письма. Да и зачем? Ну встретились. Ну расстались. Говорят, вся жизнь состоит из этого. ? Да, говорят. Знаешь что, давай не будем выяснять отношений сейчас. Не время. Простимся как люди, без фокусов. ? Ладно, Арся, ты иди. Не надо, чтобы ты ждал, когда машины пойдут. Мне нехорошо как-то. Я, наверно, заплачу. А я не хочу, чтобы ты видел, как я заплачу. Мне чего-то жаль, очень жаль... Они поцеловались. Арся помог забраться фисе в кузов, чуть задержал ее руку и своей, хотел еще что-то сказать, но махнул рукой: всего, мол, хорошего! ? и пошел от машины. Но тут фиса окликнула его и протянула разрисованный цветными карандашами конвертик: ? Вот... На память... Он протянул было руку, но фиса по-мышиному юркнула в кузов, сунула конверт за ворот гимнастерки. ? Нет, Арся, это я так. Я пошутила. Иди уж, ? голос у нее дрогнул. ? Все равно уж... Семнадцать лет спустя Арсений Каурин, преподаватель педагогического института, плыл с группой туристов вниз по Каме на шлюпках до Куйбышевской ГЭС. Настроение было прекрасное оттого, что погода стояла солнечная, и весь отпуск впереди, и ни о чем не надо было заботиться, и хоть на время можно скрыться с глаз ревнивой жены, со скрипом отпустившей его в поход. В старинном районном селе, где, кажется, церковью было больше, чем домов, туристы остановились и рассыпались кто куда в поисках достопримечательностей, съестного и курева. Арсению было поручено купить соленых огурцов. Загорелый, в войлочной с бахромой шляпе, в рубахе-распашонке, с наляпанными на ней лунами и яблоками, он шлялся по рынку, весело прицеливался к товару, шутил с торговками, размеренными духотой и бездельем. Покупателей на рынке мало, лишь суетились пассажиры с только что причалившего парохода и возле пивного ларька на бочках уютно расположились и потягивали из стеклянных банок бледное пиво колхозные шоферы. Возле них митинговал безногий инвалид: ? Гитлера распатронили? Распатронили! И Чомбе распатроним! Чомбе ? тьфу! Мизгирь!.. Тетка с накрашенными губами торговала щавелем, прошлогодним хреном и кудрявистыми таежными ландышами. Ландыши у нее пассажиры раскупали нарасхват, а хрен никто не брал. Тетка обратилась по этому поводу к Арсению: ? Чудной народ! Цветочки берут, а хреном пренебрегают. А хрен ? это ж такая закуска, это ж... ? Она, как гранату, подняла длинную скобленную хреновину и с пьяненьким вздохом кинула обратно: ? Э-эх, сады-садоочки, цветы-цветочки, над страной пронесется военный ураган! ? И тут же с песни переключилась на инвалида: ? Митька! Я те дам Чомбу! Крой до дому и организуй цветки! Чтoб одна нога здесь, другая ? там! Чего ты около шоферни отираешься? Я сама в состоянии тебя опохмелить! Арсений улыбнулся и пошел

Астафьев Виктор Петрович Бери да помни astafevvictor.ru
дальше, обмахиваясь мягкой шляпой. Пот лил с него, катился за распахнутый воротник рубахи. Духота все густела и густела. Но тучи были еще где-то далеко, и дождь никак не начинался. По рынку бродили пыльные куры с беспомощно открытыми клювами, привычно шуровали лапами шелуху от семечек. У ног торговков, под прилавком, беспечно лежала облепленная репьями коза, полураскрытым глазом наблюдая жизнь. На Каме сердито взревел пароход, пассажиры заторопились. Арсению на рынке тоже надоело. Он направился к овощному ряду, остановился подле колхозной машины. Парень с папирской в зубах прямо из бочки зачерпывал склизкие, перекислые огурцы тарелкою от весов. Арсений почувствовал на спине своей пристальный взгляд. Он подумал, что опять глазают на модную рубаху, но взгляд проникал, кажется, дальше, внутрь, тревожил его. Он настороженно осмотрелся и встретился глазами с женщиной, спустившей от жары полушалок на плечи. По правую руку от нее лежали редьки величиной со двадцатимиллиметровые снаряды, поточенные на острие червяками, грудка моркови с кудряшками бледной зелени и стоял ведерный туес с солеными огурцами, из которого свесились стебли укропа. ? Может быть, попробуете моих огурчиков? ? тихо, не спуская глаз с Арсения, поинтересовалась женщина. И его что-то совсем уж встревожило и обеспокоило. В глазах женщины, чуть сощуренных, была не то усмешка, не то испуг, в уголках губ задумчивые, горестные складки. Руки женщины в земляных трещинках и в под ногтями земля. Руки были мыты, хорошо мыты, но это была та земля, что впитывается в кожу надолго, иногда навечно, ? пашенная земля. ? Что ж, можно и ваших, ? отозвался Арсений с наигранной веселостью. Так уж почему-то принято разговаривать с торговками. Женщина усмехнулась, подала ему на кончике ножа коренастый, на диво сохранившийся огурчик и что-то при этом сказала одними губами, какие-то незнакомые слова. Но Арсений не обратил особого внимания на слова, он с хрустом откусил огурца и зажмурился: ? Класс! ? Сколько вам? ? Немного. Вот, ? все так же беспечно сунул он модную шляпу. ? Сколько сюда войдет, столько и сыпьте. ? Ну, зачем же такую вещь портить? Это ж не яблоки, выпачкают. Для вас готова и газету схлопотать, ? напевно, с каким-то скрытым смыслом говорила она, не переставая загадочно улыбаться. Она вылавливала огурцы из туеса. Усмешка, так тревожившая Арсения, разом как-то сваяла на губах женщины, и она, уронив деревянный черпак, подалась к нему. ? Арся, ты неужели меня не узнаешь? Арсений оторопел: ? Вас? Простите... Э-э, нет, простите... ? Да я же Анфиса. ? Какая Анфиса? ? Ну, фиса. ? Фи-иса! Теперь уже он пробежал по лицу ее торопливым и цепляющимся взглядом, словно пролистал книгу, и только по глазам, в которых далеко-далеко еще таилось полудетское простодушие, по голубым глазам, как бы уже тронутым ранним инеем, узнал ее. ? Ангелица?! ? Не забыл! ? радостно и в то же время горько улыбнулась она. ? Она самая. И тут наступила та самая минута, которая всегда наступает в такие моменты. Надо бы говорить, а говорить-то и не о чем. И вот появились, как обычно, самые неподходящие, самые ненужные слова, и он, потоптавшись, сказал эти слова: ? Ну как живете-можете? ? А что, Арся, разве по мне не видно? ? снова усмехнулась женщина и, помогая ему справиться со смущением, поинтересовалась, глядя на яркую рубашку-распашонку: ? Сам-то как? Хотя тоже видно. Здоров, бодр. Отдыхать едешь? Поседел вон только. ? Она чуть было не протянула руку, чтобы дотронуться до его волос, но вовремя опомнилась и спрятала руки в рукава телогрейки, будто ей разом сделалось холодно. ? Умственная, видать, у тебя работа? ? Да, трудная работа. Преподаю. В институте преподаю. Студенты, они, знаете... ? И, стыдясь чего-то, добавил: ? Сесть начал рано. Всякое было. Учился после армии, на одной стипендии тянул, трудно было... ? И чувствуя, что разоткровенничался, закончил: ? Сами знаете, жизнь нашего брата не баловала. ? Да, не баловала, ? подтвердила Анфиса и тут же словно бы встрепенулась. ? Ну, все равно в люди выбился. Я знала, ты не пропадешь. А я вот, ? у нее опять появилась усмешка, только на этот раз усталая, вымученная, ? право, ангелица, сразу и в пути. ? Анфиса обернулась, тряхнула за рукав стоявшую за другим прилавком торговку: ? Тетка Александра, присмотри за моим товаром, ? и предложила Арсению: ? Пойдем, Арся, отсюда, провожу тебя маленько. Ты ж провожал меня когда-то... Извини, что я с тобой на "ты" ? по старой памяти. ? Ну, что ты, что ты, пожалуйста. Вышли с рынка. Тетка с накрашенными губами, облокотившись на прилавке, жевала лист щавеля и что-то пробормотала, подмигнув им вслед. Торговки за прилавком громко захохотали. Далеко-далеко буркнул коротко гром, и сделалось совсем тихо. ? Вот где довелось встретиться, ? прервала молчание Анфиса и, глядя на подернутую маревом реку, призналась: ? Поначалу я тебя все ждала, все встретиться надеялась. Сюда, на пристань, часто бегала. После во сне только видела, а потом уж и сны стали другими, все стало другое... ? Арсений не мог найти слов, чтобы поддержать разговор, и Анфиса задумчиво прибавила: ? Время, время. Вот ты уж и седой, а все такой же на слово скупой. ? Да нет, почему же, я тебя слушаю. ? Меня? Что ж меня слушать? Ничего интересного. Как за русской печкой: пыль да лучина, темь да кручина. ? И она

Астафьев Виктор Петрович Бери да помни astafevvictor.ru

опять, в который уже раз, искоса поглядела на его рубаху с намалеванными на ней желтыми лунами и красными яблоками по голубому фону. И он вдруг вспомнил луну над садами, тронутое росой яблоко, вынудившее Фисой из темноты. Ему сделалось неловко и жаль чего-то. Он подосадовал на себя, на жену. Это она купила рубаху с невзаправдашными лунами и яблоками. Модно! Она и себе и ему покупает все только модное. Все еще молодится. Он знает ? молодится для него. И как-то услышал, она призналась подруге, которая позавидовала ей: "Ах, милая, мне все трудней и трудней становится быть молодой!" "Но зачем все это вспоминать сейчас? И к чему? Теперь уже ничего не изменить. Да и молчание становится неловким. Надо разговаривать, разговаривать, и отстанут эти воспоминания. Неловкость пройдет. Подумаешь ? рубаха! Разве в рубахе дело? Она вон в телогрейке, и руки можно бы тщательно вымыть, и не обманул же я ее, в конце концов. Ничего такого не было. Ну, обещал писать и не написал, так это ж пустяк, да и как давно это было! Очень давно". ? Ты замужем? ? спросил у Фисы Арсений. ? Давно. Полгода после демобилизации подевчилась, и дядя сосватал меня. У меня ведь никого нет, кроме дяди. А сам он ребятами оброс. Куда-то надо было голову приклонить. В возрасте уж девка. Молоко брызжет. Семью надо, детей надо. Бабе бабье мнится. А ты женат? ? Женат. С ребенком взял женщину. Трудно было. Но она ничего... добрая женщина. Тоже в институте работала. Там и сошлись. Дочь нынче в консерваторию поступила. ? А родное дитя есть? ? Есть. Как же. ? Сын, да? ? Сын. ? Как зовут? ? Валерием. ? Валерием? Славно. А моего ? Пашкой. А дочь ? Нина. Тоже двое у меня. Снова стало не о чем говорить. Над городом томилась все та же душная тишина, и от каменных плит тротуара, меж которых росла трава и тощие цветки шалфея да пуговики угарной мяты, несло, как от раскаленных печек. Арсению жгло подошвы сквозь кеды, и он обрадовался, когда они сошли на прибрежный песок с засохшими на нем коровьими лепешками. Река кипела у берегов. Купались ребяташки. А вдали, в густой медовой пелене, бурлил винтом пароход. Он словно бы стоял на месте и растворялся в колеблющемся мареве, делаясь все меньше и прозрачней. Перед дождем свирепствовал овод. Детсадовские ребяташки были в волдырях и до шейки закапывались в песок. Воспитательница сидела на обносе изуродованного катера, до палубы вросшего в песок, обмахивалась веткой полыни, безотрывно читая толстую книгу, должно быть, роман про любовь, и время от времени нудно твердила: ? Дети, не забредайте глубоко. Дети, утонете. ? Хорошо это ? дети, ? как бы найдя повод для продолжения разговора, с облегчением сказал Арсений. ? Для них живем. Нам время тлеть, а им ? цвести. ? Да-а, им цвести, нам тлеть. Верно. Пушкин, кажется, сочинил? Мудрый был человек! А муж-то у меня, Арся, пьяница. Бьет меня и детей бьет, ? глухо проговорила Анфиса и отвернулась. И он опять не знал, что делать: утешать ли ее или не мешать ей молчать. Впрочем, Анфиса быстро укротила себя, сломала звон в голосе и посмотрела на него сбоку с виноватой улыбкой, с той улыбкой, которая ему запомнилась издавна. ? Ну вот, расчувствовалась. Баба и есть баба. Не обращай внимания, Арся. ? И быстро, быстро, сглатывая слова: ? Да ничего такого и нет. Ребята зимой учатся в школе, летом на огороде и в поле работают. Я по домашности. Муж ? тракторист. Он и ничего бы, только не любила я его никогда. А он это чувствует, вот и лютует пьяный. Кулаками любовь-то добывает. ? Скороговорка ее неожиданно сменилась тоскливым возгласом: ? Эх, Арся, Арся! Зря я тогда сберегла себя. Зря тебя мучила. Ему ведь все равно, лишь бы баба. Ну, ладно, Арся, наговорила я тебе семь верст... Расстроила вижу. Вон красными веслами машут. Тебя небось зовут. Прощай, Арся! ? Прощай, Фиса. ? Я в деревне Куликовой живу, недалеко отсюда. Заходи, если случится быть. ? Хорошо, хорошо, ? поспешно согласился Арсений, ? непременно. Мы иногда бываем в деревнях, картошку копать ездим... Анфиса, кажется, не слушала его. Она подала ему руку, тряхнула головой: ? Нет, не надо. Пусть уж будет, как было. Пусть останутся воспоминания... ? Голос у нее осекся, тень легла на тронутое морщинами лицо. ? У меня ведь это лучшее, что было в жизни, Арся. Никому дотронуться не даю. В себе таю. Прощай! Арсений давнул ее руку и, как тогда, у машины, кивнул: всего, мол, хорошего, ? но внезапно вспомнил: ? Послушай, какой ты конверт хотела мне отдать тогда и не отдала? Анфиса наморщила все еще красивые, сломанные у висков брови и вдруг просветленно улыбнулась: ? А-а, вон чего ты вспомнил?! Клочок волос упаковала. В книжках про это вычитала и вот... Тогда я еще читала книжки. ? Она застенчиво потупилась, махнула рукой, словно бы не прощая себе такого чудачества, и пробормотала: ? Слепота я, слепота... ? быстро пошла от него, черпая стоптанными сандалиями песок. Арсений постоял минуту, пытаясь вникнуть в смысл этих вполголоса оброненных слов, и оттого, что не мог понять скрытого в них смысла или не хотел понять, раздраженно пожал плечами: ? Вот так встреча! Бывают же чудеса в жизни!.. Он попытался настроиться на шуточный лад и даже помурлыкал на ходу: "А я сам! А я сам! Я не верю чудесам!" ? но тут на него разом навалились стыд, растерянность, зло, и он почувствовал такую усталость, что едва добрался до своей шлюпки и обсссиленно опустился на ее борт. ? Где ты

Астафьев Виктор Петрович Бери да помни astafevvictor.ru шлялся? ? напустились на него попутчики. Он смотрел на них, но слова не доходили до него. ? Почему не принес огурцы? ? Какие огурцы? Ах да, огурцы. Забыл. Оказывается, забыл... ? беспомощно развел руками Арсений. Заметил шляпу, нахлобучил ее до бровей и не знал, что делать дальше. ? Вот тебе и раз! А мы водки взяли. Арсений встrepенулся, услышав об этом, отыскал глазами бутылку, по-солдатски ударил ее о колено. Пробка хлопнула, взлетела и поплыла по воде. Он налил себе полный стакан и выпил одним духом под веселые возгласы попутчиков ? товарищей по институту, которые знали, что пьет он редко и тайком от супруги ? побаивается. Но когда он налил себе второй стакан, они зароптали: ? Что ты! Не дури! Захмелеешь ведь с непривычки. А нам плыть, и гроза надвигается. Но Арсений выпил и второй стакан, чтобы оглушить себя, забыться. Однако хмель не брал его и забыться никак не удавалось. И дождь все не шел и не шел, задержался где-то за горами. Хоть бы скорее грянул дождь, крупный, холодный, с громами и молниями, и смыл бы всю эту застоявшуюся, густую духоту. 1961

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://astafevvictor.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!